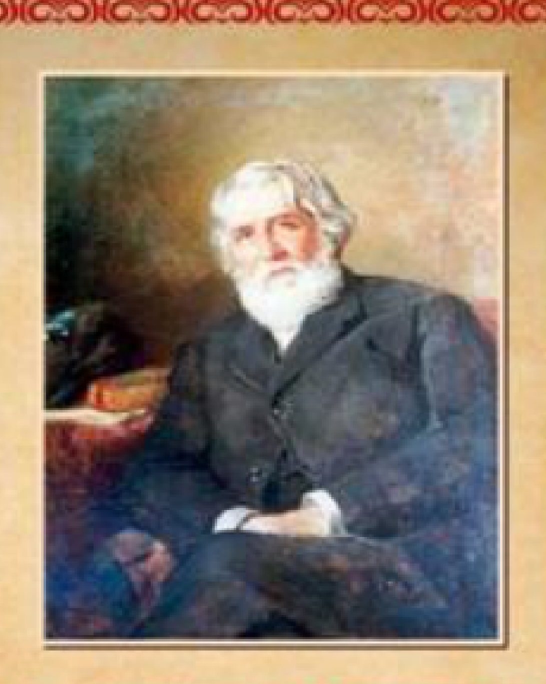
Иван ТУРГЕНЕВ

Жид

И. С. Тургенев

ЖИД

…Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник, — сказали мы наконец Николаю Ильичу.

Полковник улыбнулся, пропустил струю табачного дыма сквозь усы, провел рукою по седым волосам, посмотрел на нас и задумался. Мы все чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравый смысл и снисходительность к нашей братье молодежи. Он был высокого роста, плечист и дороден; его смуглое лицо, «одно из славных русских лиц»[1], прямодушный, умный взгляд, кроткая улыбка, мужественный и звучный голос-все в нем нравилось и привлекало.

— Ну, слушайте ж, — начал он. — Дело было в тринадцатом году, под Данцигом. Я служил тогда в Е — м кирасирском полку и, помнится, только что был произведен в корнеты. Веселое занятие — сраженья, и походы — хорошая вещь, но в осадном корпусе очень скучно было. Сидишь себе, бывало, целый божий день в каком-нибудь ложементе, под палаткой, на грязи или соломе, да играешь в карты с утра до вечера. Разве от скуки пойдешь посмотреть, как летают бомбы или каленые ядра. Сначала французы нас тешили вылазками, да скоро притихли. Ездить на фуражировку тоже надоело; словом, тоска напала на нас такая, что хоть вой. Мне всего тогда пошел девятнадцатый год; малый был я здоровый, кровь с молоком, думал потешиться и насчет француза и насчет того… ну, понимаете… а вышло-то вот что. От нечего делать пустился я играть. Как-то раз, после страшного проигрыша, мне повезло, и к утру (мы играли ночью) я был в сильном выигрыше. Измученный, сонный, вышел я на свежий воздух и присел на гласис. Утро было прекрасное, тихое; длинные линии наших укреплений терялись в тумане; я загляделся, а потом и задремал сидя. Осторожный кашель разбудил меня; я открыл глаза и увидел перед собою жида лет сорока, в долгополом сером кафтане, башмаках и черной ермолке. Этот жид, по прозвищу Гиршель, то и дело таскался в наш лагерь, напрашивался в факторы, доставал нам вина, съестных припасов и прочих безделок; росту был он небольшого, худенький,

рябой, рыжий, беспрестанно моргал крошечными, тоже рыжими глазками, нос имел кривой и длинный и все покашливал.

Он начал вертеться передо мной и униженно кланяться.

— Ну, что тебе надобно? — спросил я его наконец.

— А так-с, пришел узнать-с, что не могу ли их благородию чем-нибудь-с…

— Не нужен ты мне; ступай.

— Как прикажете-с, как угодно-с… Я думал, что, может быть-с, чем-нибудь-с…

— Ты мне надоел; ступай, говорят тебе.

— Извольте, извольте-с. А позвольте их благородие поздравить с выигрышем…

— А ты почему знаешь?

— Уж как мне не знать-с… Большой выигрыш… большой… У! какой большой…

Гиршель растопырил пальцы и покачал головой.

— Да что толку, — сказал я с досадой, — на какой дьявол здесь и деньги?

— О! не говорите, ваше благородие;ай, ай, не говорите такое. Деньги-хорошая вещь; всегда нужны, все можно за деньги достать, ваше благородие, все! все! Прикажите только фактору, он вам все достанет, ваше благородие, все! все!

— Полно врать, жид.

— Ай! ай! — повторил Гиршель, встряхивая пейсиками. — Их благородие мне не верит… ай… ай… ай… — Жид закрыл глаза и медленно покачал головою направо и налево… — А я знаю, что господину офицеру угодно… знаю… уж я знаю!

Жид принял весьма плутовской вид…

— В самом деле?

Жид взглянул боязливо, потом нагнулся ко мне.

— Такая красавица, ваше благородие, такая!.. — Гиршель опять закрыл глаза и вытянул губы. — Ваше благородие, прикажите… увидите сами… что теперь я буду говорить, вы будете слушать… вы не будете верить… а лучше прикажите показать… вот как, вот что!

Я молчал и глядел на жида.

— Ну, так хорошо; ну, вот хорошо; ну, вот я вам покажу… — Тут Гиршель засмеялся и слегка потрепал меня по плечу, но тотчас же отскочил, как обожженный.

— А что ж, ваше благородие, задаточек?

— Да ты обманешь меня или покажешь мне какое-нибудь чучело.

— Ай, ваи, что вы такое говорите? — проговорил жид с необыкновенным жаром и размахивая руками. — Как можно? Да вы… ваше благородие, прикажите тогда дать мне пятьсот… четыреста пятьдесят палок, — прибавил он поспешно… — Да вы прикажите…

В это время один из моих товарищей приподнял край палатки и назвал меня по имени. Я поспешно встал и бросил жиду червонец.

— Вецером, вецером, — пробормотал он мне вслед. Признаюсь вам, господа, я дожидался вечера с некоторым нетерпением. В этот самый день французы сделали вылазку; наш полк ходил в атаку. Наступил вечер; мы все уселись вокруг огней… солдаты заварили кашу. Пошли толки. Я лежал на бурке, пил чай и слушал рассказы товарищей. Мне предложили играть в карты, — я отказался. Я был в волнении. Понемногу офицеры разошлись по палаткам; огни стали гаснуть; солдаты также разбрелись или заснули тут же; все затихло. Я не вставал. Денщик мой сидел на корточках перед огнем и, как говорится, «удил рыбу». Я прогнал его. Скоро весь лагерь утих. Прошла рунда. Сменили часовых. Я все лежал и ждал чего-то. Звезды выступили. Настала ночь. Долго глядел я на замиравшее пламя… последний' огонек потух наконец. «Обманул меня проклятый жид», — подумал я с досадой и хотел было приподняться…

— Ваше благородие… — пролепетал над самым моим ухом трепетный голос.

Я оглянулся: Гиршель. Он был очень бледен, заикался и пришепетывал:

— Пожалуйте-с в вашу палатку-с.

Я встал и пошел за ним. Жид весь съежился и осторожно выступал по короткой сырой траве. Я заметил в стороне неподвижную, закутанную фигуру. Жид махнул ей рукой- она подошла к нему. Он с ней пошептался, обратился ко мне, — несколько раз кивнул головой, и мы все трое вошли в палатку. Смешно сказать: я задыхался.

— Вот, ваше благородие, — прошептал с усилием жид, — вот. Она немножко боится теперь, она боится; но я ей сказал, что господин офицер хороший человек, прекрасный… А ты не бойся, не бойся, — продолжал он, — не бойся…

Закутанная фигура не шевелилась. Я сам был в страшном смущении и не знал, что сказать. Гиршель тоже семенил на месте, как-то странно разводил руками…

— Однако, — сказал я ему, — выдь-ка ты вон… Гиршель как будто нехотя повиновался. Я подошел к закутанной фигуре и тихо снял с ее головы темный капюшон. В Данциге горело: при красноватом,

порывистом и слабом отблеске далекого пожара увидел я бледное лицо молодой жидовки. Ее красота меня поразила. Я стоял перед ней и смотрел на нее молча. Она не поднимала глаз. Легкий шорох заставил меня оглянуться. Гиршель осторожно высовывал голову из-под края палатки. Я с досадой махнул ему рукой… он скрылся.

— Как тебя зовут? — промолвил я наконец.

— Сара, — отвечала она, и в одно мгновенье сверкнули во мраке белки ее больших и длинных глаз и маленькие, ровные, блестящие зубки.

Я схватил две кожаные подушки, бросил их на землю и попросил ее сесть. Она скинула свой плащ и села. На ней был короткий, спереди раскрытый казакин с серебряными круглыми резными пуговицами и широкими рукавами. Густая черная коса два раза обвивала ее небольшую головку; я сел подле нее и взял ее смуглую, тонкую руку. Она немного противилась, но как будто боялась глядеть на меня и неровно дышала. Я любовался ее восточным профилем — и робко пожимал ее дрожащие, холодные пальцы.

— Ты умеешь по-русски?

— Умею… немного.

— И любишь русских?

— Да, люблю.

— Стало быть, ты меня тоже любишь?

— И вас люблю.

Я хотел было обнять ее, но она проворно отодвинулась…

— Нет, нет, пожалуйста, господин, пожалуйста.

— Ну, так посмотри на меня по крайней мере. Она остановила на мне свои черные, пронзительные глаза и тотчас же с улыбкой отвернулась и покраснела.

Я с жаром поцеловал ее руку. Она посмотрела на меня исподлобья и тихонько засмеялась.

— Чему ты?

Она закрыла лицо рукавом и засмеялась пуще прежнего. Гиршель появился у входа палатки и погрозил ей. Она замолчала.

— Пошел вон! — прошептал я ему сквозь зубы. — Ты мне надоел.

Гиршель не выходил.

Я достал из чемодана горсть червонцев, сунул их ему в руку и вытолкал его вон.

— Господия, дай и мне… — проговорила она. Я ей кинул несколько червонцев на колени; она подхватила их проворно, как кошка.

— Ну, теперь я тебя поцелую.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, — пролепетала она испуганным и умоляющим голосом.

— Чего ж ты боишься?

— Боюсь.

— Да полно…

— Нет, пожалуйста.

Она робко посмотрела на меня, нагнула голову немножко набок и сложила руки. Я оставил ее в покое.

— Если хочешь… вот, — сказала она после некоторого молчанья и поднесла свою руку к моим губам.

Я не совсем охотно поцеловал ее. Сара опять рассмеялась.

Кровь меня душила. Я досадовал на себя и не знал, что делать. Однако, подумал я наконец, что я за дурак?

Я опять оборотился к ней.

— Сара, послушай, я влюблен в тебя.

— Я знаю.

— Знаешь? И не сердишься? И сама меня любишь? Сара покачала головой.

— Нет, отвечай мне как следует.

— А покажите-ка себя, — сказала она.

Я нагнулся к ней. Сара положила руки ко мне на плечи, начала разглядывать мое лицо, хмурилась, улыбалась… Я не выдержал и проворно поцеловал ее в щеку. Она вскочила и в один прыжок очутилась у входа палатки.

— Ну, какая же ты дикарка!

Она молчала и не трогалась с места.

— Подойди же ко мне…

— Нет, господин, прощайте. До другого разу.

Гиршель опять выставил свою курчавую головку, сказал ей два слова; она нагнулась и ускользнула, как змея.

Я выбежал из палатки вслед за нею, но не увидел ни ее, ни Гиршеля.

Целую ночь я не мог заснуть.

На другое утро мы сидели в палатке нашего ротмистра; я играл, но без охоты. Вошел мой денщик.

— Спрашивают вас, ваше благородие.

— Кто меня спрашивает?

— Жид спрашивает.

«Неужели Гиршель!» — подумал я. Я дождался конца талии, встал

и вышел. Действительно, я увидел Гиршеля.

— Что, — спросил он меня с приятной улыбкой, — ваше благородие, довольны вы?

— Ах ты!.. (Тут полковник оглянулся.) Кажется, нет дам… впрочем, все равно. Ах ты, мой любезный, — отвечал я ему, — да ты смеешься надо мной, что ли?

— А что-с?

— Как что-с? Еще ты спрашиваешь!

— Ай, ай, господин офицер, какой же вы, — проговорил Гиршель с укоризной, но не переставая улыбаться. — Девица молодая, скромная… Вы ее испугали, право испугали.

— Хороша скромность! а деньги-то она зачем взяла?

— А как же-с? Деньги дают-с, так как же не брать-с?

— Послушай, Гиршель, пусть она придет опять, я тебя не обижу… только ты, пожалуйста, своей глупой рожи не показывай у меня в палатке и оставь нас в покое; слышишь?

У Гиршеля засверкали глазки.

— А что? нравится вам?

— Ну, да.

— Красавица! такой нет красавицы нигде. А денег мне теперь пожалуете?

— Возьми, только слушай: уговор лучше денег. Приведи ее, да убирайся к черту. Я ее сам провожу домой.

— А нельзя, нельзя, никак нельзя-с, — торопливо возразил жид. — Ай, ай, никак нельзя-с. Я, пожалуй, буду ходить около палатки, ваше благородие; я, я, ваше благородие, отойду, пожалуй, немножко… я, ваше благородие, готов вам служить, я, пожалуй, отойду… что ж? я отойду.

— Ну, смотри же… Да приведи ее, слышишь?

— А ведь красавица? господин офицер, а? ваше благородие? красавица? а?

Гиршель нагибался и заглядывал мне. в глаза.

— Хороша.

— Ну, так дайте же мне еще червончик…

Я бросил ему червонец; мы разошлись.

День минул наконец. Настала ночь. Я долго сидел один в своей палатке. На дворе было неясно. В городе пробило два часа. Я начинал уже ругать жида… вдруг вошла Сара, одна. Я вскочил, обнял ее… прикоснулся губами до ее лица… Оно было холодно как лед. Я едва мог различить ее черты… Я усадил ее, стал перед ней на колени, брал

ее руки, касался ее стана… Она молчала, не шевелилась и вдруг громко, судорожно зарыдала. Я напрасно старался успокоить, уговорить ее… Она плакала навзрыд… Я ласкал ее, утирая ее слезы; она по-прежнему не противилась, не отвечала на мои расспросы и плакала, плакала в три ручья. Сердце во мне перевернулось; я встал и вышел из палатки.

Гиршель точно из земли передо мною вынырнул.

— Гиршель, — сказал я ему, — вот тебе обещанные деньги. Уведи Сару.

Жид тотчас бросился к ней. Она перестала плакать и ухватилась за него.

— Прощай, Сара, — сказал я ей. — Бог с тобой, прощай. Когда-нибудь увидимся, в другое время.

Гиршель молчал и кланялся. Сара нагнулась, взяла мою руку, прижала ее к губам; я отвернулся…

Дней пять или шесть, господа, я все думал о моей жидовке. Гиршель не являлся, и никто не видал его в лагере. По ночам спал я довольно плохо: мне все мерещились черные влажные глаза, длинные ресницы; мои губы не могли забыть прикосновенья щеки, гладкой и свежей, как кожица сливы. Послали меня со взводом на фуражировку в отдаленную деревеньку. Пока мои солдаты шарили по домам, я остался на улице и не слезал с коня. Вдруг кто-то схватил меня за ногу…

— Боже мой, Сара!

Она была бледна и взволнована.

— Господин офицер, господин… помогите, спасите: солдаты нас обижают… Господин офицер… Она узнала меня и вспыхнула.

— А разве ты здесь живешь?

— Здесь.

— Где?

Сара указала мне на маленький старенький домик. Я дал лошади шпоры и поскакал. На дворе домика безобразная, растрепанная жидовка старалась вырвать из рук моего длинного вахмистра Силявки три курицы и утку. Он поднимал свою добычу выше головы и смеялся; курицы кудахтали, утка крякала… Другие два кирасира вьючили лошадей своих сеном, соломой, мучными кулями. В самом доме слышались малороссийские восклицания и ругательства… Я крикнул на своих и приказал им оставить жидов в покое, ничего не брать у них. Солдаты повиновались; вахмистр сел на свою гнедую кобылу Прозерпину, или, как он называл ее, «Прожерпылу», и выехал за мной

на улицу.

— Ну что, — сказал я Саре, — довольна ты мной?. Она с улыбкой посмотрела на меня.

— Где ты пропадала все это время? ' Она опустила глаза.

— Я к вам завтра приду.:

— Вечером?

— Нет, господин, утром.

— Смотри же, не обмани меня.

— Нет… нет, не обману.

Я жадно глядел на нее. Днем она показалась мне еще прекраснее. Я помню, меня в особенности поразили янтарный, матовый цвет ее лица и синеватый отлив ее черных волос… Я нагнулся с лошади и крепко стиснул ее маленькую руку.

— Прощай, Сара… смотри, приходи же.

— Приду.

Она пошла домой; я приказал вахмистру догнать меня с командой — и поскакал.

На другой день я встал очень рано, оделся и вышел из палатки. Утро было чудесное; солнце только что подымалось, и на каждой былинке сверкал влажный багрянец. Я взошел на высокий бруствер и сел на краю амбразуры. Подо мной толстая чугунная пушка выставила в поле свое черное жерло. Я рассеянно смотрел во все стороны… и вдруг увидал шагах во ста скорченную фигуру в сером кафтане. Я узнал Гиршеля. Он долго стоял неподвижно на одном месте, потом вдруг отбежал немного в сторону, торопливо и боязливо оглянулся… крикнул, присел, осторожно вытянул шею и опять начал оглядываться и прислушиваться. Я очень ясно видел все его движенья. Он запустил руку за пазуху, достал клочок бумажки, карандаш и начал писать или чертить что-то. Гиршель беспрестанно останавливался, вздрагивал, как заяц, внимательно рассматривал окрестность и как будто срисовывал наш лагерь. Он не раз прятал свою бумажку, щурил глаза, нюхал воздух и снова принимался за работу. Наконец жид присел на траву, снял башмак, запихал туда бумажку; но не успел он еще выпрямиться, как вдруг, шагах в десяти от него, из-за ската гласиса показалась усастая голова вахмистра Силявки и понемногу приподнялось от земли все длинное и неуклюжее его тело. Жид стоял к нему спиной. Силявка проворно подошел к нему и положил ему на плечо свою тяжелую лапу. Гиршеля скорчило. Он затрясся, как лист, и испустил болезненный, заячий крик. Силявка грозно заговорил с ним и схватил его за ворот. Я не мог слышать их разговора, но по отчаянным

телодвижениям жида, по его умоляющему виду начал догадываться, в чем дело. Жид раза два бросался к ногам вахмистра, запустил руку в карман, вытащил разорванный клетчатый платок, развязал узел, достал червонец… Силявка с важностью принял подарок, но не переставал тащить жида за ворот. Гиршель рванулся и бросился в сторону; вахмистр пустился за ним в погоню. Жид бежал чрезвычайно проворно; его ноги, обутые в синие чулки, мелькали действительно весьма быстро; но Силявка после двух или трех «угонок» поймал присевшего жида, поднял и понес его на руках — прямо в лагерь. Я встал и пошел к нему навстречу.

— А! ваше благородие! — закричал Силявка, — лазутчика несу вам, лазутчика!.. — Пот градом катился с дюжего малоросса. — Да перестань же вертеться, чертов жид! да ну же… экой ты! не то придавлю, смотри!

Несчастный Гиршель слабо упирался локтями в грудь Силявки, слабо болтал ногами… Глаза его судорожно закатывались…

— Что такое? — спросил я Силявку.

— А вот что, ваше благородие: извольте-ка снять с его правой ноги башмак, мне неловко. — Он все еще держал жида на руках.

Я снял башмак, достал тщательно сложенную бумажку, развернул ее и увидел подробный рисунок нашего лагеря. На полях стояло множество заметок, писанных мелким почерком на жидовском языке.

Между тем Силявка поставил Гиршеля на ноги. Жид раскрыл глаза, увидел меня и бросился передо мной на колени.

Я молча показал ему бумажку.

— Это что?

— Это-так, господин офицер. Это я так. Так… — Голос его перервался.

— Ты лазутчик?

Он не понимал меня, бормотал несвязные слова, трепетно прикасался моих колен…

— Ты шпион?

— Ай! — крикнул он слабо и потряс головой. — Как можно? Я — никогда; я совсем нет. Не можно; не есть возможно. Я готов. Я — сейчас. Я дам денег… Я заплачу, — прошептал он и закрыл глаза.

Ермолка сдвинулась у него на затылок; рыжие, мокрые от холодного поту волосы повисли клочьями, губы посинели и судорожно кривились, брови болезненно сжались, щеки ввалились…

Солдаты нас обступили. Я сперва хотел было пугнуть порядком Гиршеля да приказать Силявке молчать, но теперь дело стало гласно и

не могло миновать «сведения начальства».

— Веди его к генералу, — сказал я вахмистру.

— Господин офицер, ваше благородие! — закричал отчаянным голосом жид, я не виноват; не виноват… Прикажите выпустить меня, прикажите…

— А вот его превосходительство разберет, — проговорил Силявка. — Пойдем.

— Ваше благородие! — закричал мне жид вслед, — прикажите! помилуйте!

Крик его терзал меня. Я удвоил шаги.

Генерал наш был человек немецкого происхождения, честный и добрый, но строгий исполнитель правил службы. Я вошел в небольшой, наскоро выстроенный его домик и в немногих словах объяснил ему причину моего посещения. Я знал всю строгость военных постановлений и потому не произнес даже слова «лазутчик», а постарался представить все дело ничтожным и не стоящим внимания. Но, к несчастию Гиршеля, генерал испоянение долга ставил выше сострадания.

— Вы, молодой человек, — сказал он мне, — суть неопытный. Вы в воинском деле еще неопытны суть. Дело, о котором (генерал весьма любил слово: который) вы мае рапортовали, есть важное, весьма важное… А где же этот человек, который взят был? тот еврей? где же тот?

Я вышел из палатки и приказал ввести жида.

Ввели жида. Несчастный едва стоял на ногах.

— Да, — промолвил генерал, обратясь ко мне, — а где же план, который найден на сем человеке?

Я вручил ему бумажку. Генерал развернул ее, отодвинулся назад, прищурил глаза, нахмурил брови.

— Это уд-див-вит-тельно… — проговорил он с расстановкой. — Кто его арестовал?

— Я, ваше превосходительство! — резко брякнул Силявка.

— А! хорошо! хорошо!.. Ну, любезный мой, что ты скажешь в своем оправданье?

— Ва… ва… ваше превосходительство, — пролепетал Гиршель, — я… помилуйте… ваше превосходительство… не виноват… спросите, ваше превосходительство, господина офицера… Я фактор, ваше превосходительство, честный фактор.

— Его следует допросить, — проговорил генерал вполголоса, важно качнув головой. — Ну, как же ты это, братец?

— Не виноват, ваше превосходительство, не виноват.

— Однако же это есть невероятно. Ты, как по-русски говорится, поделом взят, то есть на самих делах!

— Позвольте сказать, ваше превосходительство: я не виноват.

— Ты рисовал план? ты есть шпион неприятельский?

— Не я! — крикнул внезапно Гиршель, — не я, ваше превосходительство!

Генерал посмотрел на Силявку.

— Да врет же он, ваше превосходительство. Господин офицер сам из его башмака грамоту достал.

Генерал посмотрел на меня. Я принужден был кивнуть головой.

— Ты, любезный мой, есть неприятельский лазутчик… любезный мой…

— Не я… не я… — шептал растерявшийся жид.

— Ты уже доставлял сему подобные сведения и прежде неприятелю? Признавайся…

— Как можно!

— Ты, любезный мой, меня не будешь обманывать. Ты лазутчик?

Жид закрыл глаза, тряхнул головой и поднял полы своего кафтана.

— Повесить его, — проговорил выразительно генерал после некоторого молчания, — сообразно законов. Где господин Феодор Шликельман?

Побежали за Шликельманом, генеральским адъютантом. Гиршель позеленел, раскрыл рот, выпучил глаза. Явился адъютант. Генерал отдал ему надлежащие приказания. Писарь показал на миг свое тощее рябое лицо. Два-три офицера с любопытством заглянули в комнату.

— Сжальтесь, ваше превосходительство, — сказал, я генералу по-немецки, как умел, — отпустите его…

— Вы, молодой человек, — отвечал он мне по-русски, — я вам сказывал, неопытны, и посему прошу вас молчать и меня более не утруждать.

Гиршель с криком повалился в ноги генералу.

— Ваше превосходительство, помилуйте, не буду вперед, не буду, ваше превосходительство, жена у меня есть… ваше превосходительство, дочь есть… помилуйте…

— Что сделать!

— Виноват, ваше превосходительство, точно естем виноват… в первый раз, ваше превосходительство, в первый раз, поверьте!

— Других бумаг не доставлял?

— В первый раз, ваше превосходительство… жена… дети…

помилуйте…

— Но ты есть шпион.

— Жена… ваше превосходительство… дети…

Генерала покоробило, но делать было нечего.

— Сообразно законов, повесить еврея, — проговорил он протяжно и с видом человека, принужденного скрепя сердце принести свои лучшие чувства в жертву неумолимому долгу, — повесить! Феодор Карлыч, прошу вас о сем происшествии написать рапорт, который…

В Гиршеле вдруг произошла страшная перемена. Вместо обыкновенного, жидовской натуре свойственного, тревожного испуга на лице его изобразилась страшная, предсмертная тоска. Он заметался, как пойманный зверек, разинул рот, глухо захрипел, даже запрыгал на месте, судорожно размахивая локтями. Он был в одном башмаке; другой позабыли надеть ему на ногу… кафтан его распахнулся… ермолка свалилась…

Все мы вздрогнули; генерал замолчал.

— Ваше превосходительство, — начал я опять, — простите этого несчастного.

— Нельзя. Закон повелевает, — возразил генерал отрывисто и не без волненья, — другим в пример.

— Ради бога…

— Господин корнет, извольте отправиться на свой пост, — сказал генерал и повелительно указал мне рукою на дверь.

Я поклонился и вышел. Но так как у меня, собственно, поста не было нигде, то я и остановился в недалеком расстоянии от генеральского домика.

Минуты через две явился Гиршель в сопровождении Силявки и трех солдат. Бедный жид был в оцепенении и едва переступал ногами. Силявка прошел мимо меня в лагерь и скоро вернулся с веревкой в руках. На грубом, но не злом его лице изображалось странное, ожесточенное сострадание. При виде веревки жид-замахал руками, присел и зарыдал. Солдаты молча стояли около него и угрюмо смотрели в землю. Я приблизился к Гиршелю, заговорил с ним; он рыдал как ребенок и даже не посмотрел на меня. Я махнул рукой, ушел к себе, бросился на ковер — и закрыл глаза…

Вдруг кто-то торопливо и шумно вбежал в мою палатку. Я поднял голову и увидел Сару; на ней лица не было. Она бросилась ко мне и схватила меня за руки.

— Пойдем, пойдем, пойдем, — твердила она задыхающимся голосом.

— Куда? зачем? останемся здесь.

— К отцу, к отцу, скорее… спаси его… спаси!

— К какому отцу?..

— К моему отцу; его хотят вешать…

— Как! Разве Гиршель…

— Мой отец… я тебе все растолкую потом, — прибавила она, отчаянно ломая руки, — только пойдем… пойдем…

Мы выбежали вон из палатки. В поле, на дороге к одинокой березе, виднелась группа солдат… Сара молча указала на нее пальцем…

— Стой, — сказал я вдруг, — куда же мы бежим? Солдаты меня не послушаются.

Сара продолжала тащить меня за собой… Признаюсь, у меня голова закружилась.

— Да послушай, Сара, — сказал я ей, — что толку туда бежать? Лучше я пойду опять к генералу; пойдем вместе; авось мы упросим его.

Сара вдруг остановилась и как безумная посмотрела на меня.

— Пойми меня, Сара, ради бога. Я твоего отца помиловать не могу, а генерал может. Пойдем к нему.

— Да его пока повесят, — простонала она… Я оглянулся. Писарь стоял невдалеке.

— Иванов, — крикнул я ему, — сбегай, пожалуйста, туда к ним: прикажи им подождать, скажи, что я пошел просить генерала.

— Слушаю-с…

Иванов побежал.

Нас к генералу не пустили. Напрасно, я просил, убеждал, наконец даже бранился… напрасно бедная Сара рвала волосы и бросалась на часовых: нас не пустили.

Сара дико посмотрела кругом, схватила обеими руками себя за. голову и побежала стремглав в. поле, к отцу. Я за ней. На нас глядели с недоумением…

Мы подбежали к солдатам. Они стали в кружок и, представьте, господа! смеялись, смеялись над бедным Гиршелем! Я вспыхнул и крикнул на них. Жид увидел нас и кинулся на шею дочери. Сара судорожно схватилась за него.

Бедняк вообразил, что его простили… Он начинал уже благодарить меня… я отвернулся.

— Ваше благородие, — закричал он и стиснул руки. — Я не прощен? Я молчал.

— Нет?

— Нет.

— Ваше благородие, — забормотал он, — посмотрите, ваше благородие, посмотрите… ведь вот она, эта девица-знаете, она дочь моя.

— Знаю, — отвечал я и опять отвернулся.

— Ваше благородие, — закричал он, — я не отходил от палатки! Я ни за что… — Он остановился и закрыл на мгновенье глаза… — Я хотел ваших денежек, ваше благородие, нужно сознаться, денежек… но я ни за что…

Я молчал. Гиршель был мне гадок, да и она, его сообщница…

— Но теперь, если вы меня спасете, — проговорил жид шепотом, — я прикажу — я… понимаете?.. все… я уж на все пойду…

Он дрожал как лист и торопливо оглядывался. Сара молча и страстно обнимала его.

К нам подошел адъютант.

— Господин корнет, — сказал он мне, — его превосходительство приказал арестовать вас. А вы… — Он молча указал солдатам на жида… — сейчас его…

Силявка подошел к жиду.

— Федор Карлыч, — сказал я адъютанту (с ним пришло человек пять солдат), — прикажите по крайней мере унести эту бедную девушку…

— Разумеется. Согласен-с.

Несчастная едва дышала. Гиршель бормотал ей на ухо по-жидовски…

Солдаты с трудом высвободили Сару из отцовских объятий и бережно отнесли ее шагов на двадцать. Но вдруг она вырвалась у них из рук и бросилась к Гиршелю… Силявка остановил ее. Сара оттолкнула его, лицо ее покрылось легкой краской, глаза засверкали, она протянула руки.

— Так будьте же вы прокляты, — закричала она по-немецки, — прокляты, трижды прокляты, вы и весь ненавистный род ваш, проклятием Дафана и Авирона, проклятием бедности, бесплодия и насильственной, позорной смерти! Пускай же земля раскроется под вашими ногами, безбожники, безжалостные, кровожадные псы…

Голова ее закинулась назад… она упала на землю… Ее подняли и унесли.

Солдаты взяли Гиршеля под руки. Я тогда понял, почему смеялись они над жидом, когда я с Сарой прибежал из лагеря. Он был действительно смешон, несмотря на весь ужас его положения.

Мучительная тоска разлуки с жизнью, дочерью, семейством выражалась у несчастного жида такими странными, уродливыми телодвижениями, криками, прыжками, что мы все улыбались невольно, хотя и жутко, страшно жутко было нам. Бедняк замирал от страху…

— Ой, ой, ой! — кричал он, — ой… стойте! я расскажу, много расскажу. Господин унтер-вахмистр, вы меня знаете. Я фактор, честный фактор. Не хватайте меня; постойте еще минутку, минуточку, маленькую минуточку постойте! Пустите меня: я бедный еврей, Сара… где Сара? О, я знаю! она у господина квартир-поручика (бог знает, почему он меня пожаловал в такой небывалый чин). Господин квартир-пору-чик! Я не отхожу от палатки. (Солдаты взялись было за Гиршеля… он оглушительно взвизгнул и выскользнул у них из рук.) Ваше превосходительство, помилуйте несчастного отца семейства! Я дам десять червонцев, пятнадцать дам, ваше превосходительство!.. (Его потащили к березе.) Пощадите! змилуйтесь! господин квартир-поручик! сиятельство ваше! господин обер-генерал и главный шеф!

На жида надели петлю… Я закрыл глаза и бросился бежать.

Я просидел две недели под арестом. Мне говорили, что вдова несчастного Гиршеля приходила за платьем покойного. Генерал велел ей выдать сто рублей. Сару я более не видал. Я был ранен; меня отправили в госпиталь, и когда я выздоровел, Данциг уже сдался, — и я догнал свой полк на берегах Рейна,

1846

Примечания

1

Лермонтов в «Казначейше». *(Прим. автора.)*